

Копия

Председателю Комитета Партийного Контроля
при ЦК КПСС

тов. Швернику Н. М.

По просьбе представителя ЦК т. Кузнецова я пишу Вам это письмо. В нем хочу поделиться мнениями о работе С. М. Кирова в Ленинграде, о его гибели.

Прошло 26 лет со времени убийства тов. Кирова, любимого руководителя ленинградских большевиков. Но можно с уверенностью сказать, что и сейчас имеется множество ленинградцев, знавших Сергея Мироновича, которые горестно вспоминают о его смерти, проклиная извергов, совершивших страшное преступление.

С. М. Киров был руководителем ленинского типа. Принципиальность, прямота, честность, смелость и инициатива в решении вопросов, беззаветная преданность делу партии, демократизм, простота и чуткое отношение к людям, искренность, большие организаторские способности и ораторский талант — все эти великолепные качества партийного руководителя завоевали умы и сердца не только нас, партийных активистов, но и самого широкого круга трудового населения Ленинграда и области. Не зря называли Сергея Мироновича любимцем партии. У нас его знали все взрослые и дети. Но я нередко вспоминаю один яркий случай, когда мне посчастливилось увидеть доброе отношение к т. Кирову коммунистов из других партийных организаций. Это было на ХУП с"езде партии, в январе 1934 года. В прениях по отчетному докладу ЦК ВКП/б/ последним выступал с замечательной речью т. Киров. Вдохновенная эта речь наэлектризовала всех делегатов с"езда, что можно было видеть по их горящим глазам и бурным аплодисментам. После выступления Сергея Мироновича был об"явлен перерыв. И когда делегаты — ленинградцы выходили из зала заседаний, к ним со всех сторон подбегали делегаты из других областей, жали руки и с волнением говорили:

— Какие вы счастливые, ленинградцы. Вот это руководитель! Нам бы такого секретаря.

С. М. Киров пришел в Ленинградскую парторганизацию в один из самых трудных периодов в ее жизни. Хитрой подспудной работой Зиновьев и его ближайшие соратники захватили руководство во всех звеньях парторганизации, хозяйственных, профсоюзных и прочих органов. Нас, защитников линии партии, решений XIV с"езда перед с"ездом и в первые дни после с"езда было очень немного. Только в результате помощи ЦК партии, энергичной деятельности т. Кирова зиновьевщина в Ленинграде была в самый короткий срок была разгромлена идейно и организационно. Уже в это первое знакомство с Сергеем Мироновичем, ленинградские коммунисты убедились, что к ним пришел замечательный руководитель, какого они не встречали раньше.

В дальнейшем т. Киров оправдал наши надежды, надежды всей партии. Под его руководством достигнуты огромные успехи в хозяйственном и культурном строительстве Ленинграда и области, в укреплении единства и сплоченности партийных рядов, в развертывании внутрипартийной демократии, в выдвижении и воспитании новых кадров преданных партии руководителей.

Мне посчастливилось довольно долго работать под руководством т. Кирова /я работал в аппарате обкома партии в 1929-30 гг., затем редактором областной газеты "Крестьянская правда"/, 1930-36 гг., был членом обкома, с 1930 по 1937 гг., членом Облисполкома с 1931 по 1939 гг./ . Принцип коллективного руководства был для Сергея Мироновича законом. Он всегда прислушивался к мнению актива и рядовых членов партии, постоянно беседовал с народом, часто выступал на различных собраниях. Он был строг, требователен к работникам, но его указания носили какой то подбадривающий дружеский характер, и у тебя появлялось сильное стремление их выполнить. А нелюбезная критика т. Кирова, даже резкая, не обижала работника, а вызвала у него стыд, желание поскорее исправить ошибку. Эти настроения возникали у тебя потому что ты за Кировым чувствовал партию, ее строгую требовательность и душевную доброту к тебе, одному из солдат великой ленинской когорты.

Не знаю, может быть я несколько идеализирую образ Сергея Мироновича, но мои мнения и чувства сложились еще при его жизни в результате личного общения, а также и бесед с многими товарищами.

/В заключение этой части письма, прилагаю копию своих кратких воспоминаний о С. М. Кирове, написанных мною двадцать лет назад, перед шестой годовщиной его смерти, помещенных в стенной газете Лен. Облищепрома, где я работал после освобождения с должности зам. заведующего отделом руководящих парторганов Лен. обкома ВКП/б/ в июле 1937 г. за неразоблачение "врагов народа", работавших в аппарате ОК/.

Что можно сказать об убийстве С. М. Кирова? Тогда оно поразило, как гром из ясного неба, навалилось на сердце огромной тяжестью, вызвало у многих и многих людей глубокую тревогу: не только погиб любимый руководитель, а в партии случилось, что-то такое, после чего уже невозможен возврат к прежней жизни. Ни на минуту нельзя было подумать, что на Сергея Мироновича мог поднять руку какойлибо коммунист, и даже бывший оппозиционер. Нельзя было представить и то, что убийство совершено по каким-нибудь изменным побуждениям, например, из личной мести. И у меня тогда первая мысль была такая: видимо, убийство совершено агентом самых злобных врагов Советского Союза - фашистов.

Однако на другой день нам уже была представлена готовая версия: убийца Николаев - участник подпольной антипартийной группы бывших

комсомольских работников - зиновьевцев. В эту версию я, как, вероятно, и подавляющая часть коммунистов, да и всего народа, поверил, т.к. зная Румянцева и некоторых других его друзей, как самых преданных Зиновьеву оппозиционеров. Но все же поначалу брало какое-то раздумье - неужели эти люди докатились в своей вражде к партруководству до террора, т.е. переродились из оппозиционеров в контрреволюционеров, врагов народа. Как то неожиданно, непонятна была эта эволюция оппозиционеров, отказавшихся от своих заблуждений, находившихся в рядах партии и работавших под наблюдением местных парторганизаций, тогда еще непривычно было слово "двурушник"/.

Еще менее понятны были политические мотивы, которыми могло руководствоваться оппозиционное подполье. Неужели оно могло надеяться, что гибель одного руководителя, правда такого крупного, влиятельного, как С.М. Киров, могла вызвать смятение в рядах партии, ее Центрального Комитета и дать какие то козыри в руки вожаков оппозиции - Зиновьева и Каменева, помочь им занять в руководстве ключевые позиции. Даже трудно представить, чтобы кто-то так думал после того сокрушительного - идейного и организационного разгрома, какой потерпели к тому времени троцкистско-зиновьевские, бухаринские и прочие антипартийные группировки. Враги, пошедшие на террористический акт против руководителей партии могли ожидать только одного - ответных репрессивных мер и неизбежной гибели как исполнителей этого акта, так и их тайных наставников. Так оно фактически и было, поскольку именно эти люди были обвинены в убийстве С.М. Кирова.

Все эти недоуменные вопросы тогда я подавил в себе и искренне воспринял официальную версию: убийцы т. Кирова - группа троцкистско-зиновьевских молодчиков, превратившихся в злобных врагов народа, бешенных собак, бросившихся на лучшего сына нашей партии.

Судить теперь правильна ли эта версия очень трудно, ибо глубоко проверенных фактов, подтверждающих или отрицающих ее мне лично неизвестно. Хочется сказать только одно: факты, которые узнала партия после смерти Сталина и XX съезда КПСС, после постановления ЦК КПСС от 30 июня "О преодолении культа личности и его последствий", после разоблачения врага народа Берия требуют, чтобы случай убийства дорогого Мироньча был тщательным и глубоко расследован. Сколько славных, верных сынов партии погибли безвинно, оклеветанные подлинными врагами! Начинаешь все больше задумывать: а не эти ли враги осуществили убийство С.М. Кирова с провокационными целями, чтобы создать в партии и стране обстановку бесправия и беззакония, всеобщего страха и подозрительности, и использовать это положение для укрепления своей личной власти? Не действовали ли эти враги - банды Ежова, Берия и проч. - с ведома и, может, - по указанию Сталина?

И

И страшно, но скажу: теперь берет сомнение, уж не была ли провозглашенная Сталиным в марте 1937 года формула, что с дальнейшим продвижением Советского Союза к социализму будет обостряться классовая борьба, - не теоретической ошибкой, а сознательным извращением теории марксизма-ленинизма в угоду своих тайных устремлений к единоличной, абсолютной власти в партии и стране?

Теперь раздумывая обо всем этом приходишь к горьким мыслям: если бы у нас не было периода культа личности Сталина и многочисленных фактов нарушения советской законности, порожденных этим культом, то несомненно была бы менее успешной антисоветская и антикоммунистическая пропаганда буржуазии и ее слуг среди народов Запада;

несомненно тогда с меньшими потерями и в более короткий срок Советский Союз разгромил бы Гитлера и его фашистские банды;

на много меньше было бы среди трудящихся и особенно у интеллигенции капиталистических стран предрассудков и предубеждений в отношении наших порядков, нашей подлинно народной демократии, теперешней внутренней и внешней политики, проводимой партией, ее ленинским Центральным Комитетом.

Чтобы сломить остатки этих предрассудков и предубеждений, вбитых врагами социалистических стран в головы масс, надо еще теснее сплачивать партийные массы вокруг ЦК КПСС, возглавляемого т. Хрущевым, а наш народ - вокруг партии. Этим путем, прежде всего, мы завоем симпатии абсолютно всех народов мира.

Член КПСС с 1917 года, персональный пенсионер. /П. Сироткин/
20 ноября 1960 г.

Адрес: Ленинград, К-17.

Костромской пр., д. 11, кв. 102.

Павел Николаевич Сироткин, п/б № 03933315, быв. партработник и журналист, делегат ХУ1 и ХУП съездов КПСС. Состою на партучете в парторганизации газеты "Ленинградская правда".

С подлинным. Верно: